

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО  
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО  
В ИСТОРИЧЕСКОЙ  
ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ  
БЕЛОРУСОВ ◎ *Вячеслав Носевич*

*Здравствуй, племя  
Младое, незнакомое!*

А. С. ПУШКИН

В среде профессиональных историков о значении Великого княжества Литовского сказано и написано очень много. Сейчас мне хотелось бы сосредоточиться на ином аспекте: как отражается вся эта историография в массовом сознании современных граждан Республики Беларусь. Разумеется, говорить о массовом сознании как чем-то едином или однородном неправомерно. Представления каждого человека в чем-то уникальны. Но можно указать несколько представлений, разделяемых достаточно широкими группами, и попытаться очертить примерные границы таких групп.

Существуют три возрастные группы, мировоззрение которых формировалось в разных условиях. В старшей группе (по 1960-е гг. рождения включительно) до сих пор доминируют представления, сформированные в школьные годы учебниками советского времени. Более молодую часть взрослого населения, родившуюся в 1970-е и начале 1980-х гг., можно условно назвать «детьми перестройки». Они еще застали эпоху советской идеологии и в школе учились по старым учебникам, но взгляды их формировались в условиях столкновения разных мнений, взаимно опровергавших друг друга. Младшую возрастную группу составляют люди, чье мировоззрение формировалось уже в условиях независимой Беларуси, примерно с 1983 г. рождения – дети этого возраста учили историю уже по новым учебникам, изданным в 1993 г.

Примерная численность этих групп в Республике Беларусь, рассчитанная автором этих строк на основании данных Министерства статистики и анализа возрастной структуры на моменты переписей 1989 и 1999 гг. и в последующие годы<sup>1</sup>, приведена в таблице 1.

В таблице приведена численность каждой группы на трех хронологических срезах, выбор которых не случаен. Именно в эти годы Независимым институтом социально-экономических и политических исследований (НИСЭ-

<sup>1</sup> Население Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2007.

ТАБЛИЦА 1. ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ТРЕХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В НАСЕЛЕНИИ БЕЛАРУСИ

	Численность на 1996 г. (тыс.)	% от взрослого населения	Численность на 2004 г. (тыс.)	% от взрослого населения	Численность на 2008 г. (тыс.)	% от взрослого населения
Все население	10177,3		9849,1		9660,4	
В т. ч. взрослые (18 лет и старше)	7631,5	100	7925,7	100	8013,8	100
До 1970 г. рожд.	6328,4	82,9	5380,8	67,9	4869,3	60,8
1970–82 гг. рожд.,	2116,5					
в т. ч. взрослые	1303,1	11,1	1870	23,6	1843,4	23
1983–90 гг. рожд.,	1321,1		1294,8			
в т. ч. взрослые	0	0	674,9	8,5	1301,1	16,2

ПИ) проводились социологические опросы, в которых задавался важный для интересующей нас темы вопрос: «Кто из нижеперечисленных политических деятелей в наибольшей степени Вам симпатичен, соответствует Вашему идеалу политика?» В предложенном перечне всякий раз присутствовала одна из ключевых фигур политической истории ВКЛ – князь Витовт. В двух последних опросах был добавлен также канцлер Лев Сапега. Очевидно, что избрать кого-то из них или обоих (при ответе можно было выбрать любое количество имен) в качестве своего идеала политика мог только тот, для кого история ВКЛ, как минимум, небезразлична.

В таблице 2 приводятся результаты всех трех опросов в отношении наиболее популярных политиков прошлого (данные по современным политикам опущены).

ТАБЛИЦА 2. ИЗМЕНЕНИЕ РЕЙТИНГА НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИКОВ ПО ДАННЫМ ТРЕХ СОЦОПРОСОВ<sup>2</sup>

Вариант ответа	1996	2004	2008
Петр Машеров	45,2	32,7	23,5
Петр I	34,2	30,9	18,5
Кастусь Калиновский	4,2	11,0	13,6
Екатерина II	–	15,4	12,5
Князь Витовт	2,2	6,6	8,8
Владимир Ленин	18,7	8,6	8,2
Иосиф Сталин	10,8	9,0	6,3
Лев Сапега	–	6,5	4,9

<sup>2</sup> <http://www.iiseps.org/6-08-04.html>.

Динамику ответов на этот вопрос мы будем рассматривать как отправную точку для дальнейших рассуждений, поскольку другие темы, относящиеся к периоду ВКЛ, в соцопросах на территории Беларуси не фигурировали.

Как видно из сопоставления таблиц 1 и 2, опрос 1996 г. отражает представления прежде всего старшей возрастной группы. С тех пор они не слишком изменились. Снижение рейтинга тех политиков, о которых много говорилось и писалось в советскую эпоху, в целом соответствует естественному процессу сокращения численности данной группы. И наоборот, рейтинг Витовта заметно вырос именно в те годы, когда на сцену начало выходить младшее поколение. Это совпадение вряд ли случайно.

Представления о прошлом, которые формировались в советское время школьной программой, достаточно хорошо известны. История Беларуси излагалась с позиций российской истории и российских национальных интересов. «Своими», знаковыми фигурами при этом оказывались Дмитрий Донской, Петр I, фельдмаршал Суворов и т. п. Школьный курс был построен таким образом, что юным белорусам, даже увлеченным историей, было практически невозможно осознать: их собственные предки не только не имели отношения к победам этих полководцев, но нередко находились в стане их противников. После такого обучения оставалось стойкое представление: ВКЛ было незначительным историческим явлением, память о котором совершенно неактуальна в современной действительности.

В качестве доказательства того, что эти представления были успешно восприняты и сохранились в практически неизменном виде, сошлемся на высказывания политика, главной силой которого общепризнанно является умение почувствовать и выразить чаяния именно старшей возрастной группы – президента А. Лукашенко. Очень показательна его реплика во время выступления перед студентами БГУ 14 марта 2003 г. с лекцией «Исторический выбор Республики Беларусь»:

«Меня глубоко возмущает и как историка и как Главу государства, когда Беларусь отождествляют то с Великим княжеством Литовским, то с Польшей, то с Россией. Мы должны гордиться тем, что создал и чем прославился наш белорусский народ, а не его исторические соседи»<sup>3</sup>.

Совершенно очевидно, что ВКЛ в его глазах принадлежит истории не белорусов, а их «исторических соседей» – надо полагать, литовцев.

В лекции звучит еще одна тональность, знакомая по советским временам:

<sup>3</sup> <http://www.president.gov.by/press14059.html#doc>.

«Включение восточнославянских земель в состав Российской империи тогда имело для белорусского этноса спасительный характер. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская анархия, кровавые разборки между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ».

Здесь, помимо привычной российскоцентричности, важно противопоставление народа и элиты, при котором современный человек представляется преемником первого, но не второй. Такое представление для старшей возрастной группы очень характерно и во многом определяет ее отношение к периоду ВКЛ как эпохе, когда «мы» (или «наши предки») страдали от всевозможных форм насилия.

Президент А. Лукашенко еще раз озвучил это представление во время рабочей поездки по Могилевской области в ноябре 2005 г. Согласно официальному пресс-релизу, «он также добавил, что поклонники старины на полном серьезе говорят о Великом княжестве Литовском, умалчивая об угнетенном, зависимом положении белорусов в том государстве»<sup>4</sup>. Вопрос о том, являлись ли угнетатели (или хотя бы их часть) тоже белорусами, даже не возникает.

Но, несмотря на мощь советской идеологической машины, ей было не под силу насадить тотальное единобразие. Часть белорусской интеллигенции еще в те годы сумела позиционировать себя в качестве интеллигенции национальной (с официальной точки зрения – националистической). Численный ее состав оценить очень трудно. Можно только утверждать, что он был невелик, намного уступая другим союзным республикам, включая Украину и Литву. Тем не менее, именно в этой среде на протяжении 1970-х – начала 1980-х гг. культивировалась и развивалась историческая концепция, тезисно очерченная в 1920–1930-е гг. белорусскими националистами<sup>5</sup>. Заслуга окончательного ее оформления принадлежит Миколе Ермаловичу (1921–2000), бывшему школьному учителю и сотруднику Молодечненского учительского института (в 1957 г. он в связи с сильной потерей зрения досрочно вышел на пенсию). Первая версия его книги «По следам одного мифа», в которой эта концепция впервые была развернута и аргументирована, появилась в 1968 г. и до 1989 г. существовала в виде рукописи, доступной узкому кругу друзей и единомышленников. О том, какое впечатление производила в те годы концепция Ермаловича, вспоминал один из его друзей:

<sup>4</sup> <http://www.president.gov.by/press11914.html#doc>.

<sup>5</sup> Лёсік Я. Літва-Беларусь (Гістарычныя выведы) // Беларуская думка XX ст. Гісторыя, рэлігія, культура. Анталогія. Варшава, 1998; Шкялёнак М. Да метадалогії гісторыі Беларусі. Падзел гісторыі Беларусі на пэрыёды // Запісы Беларускага Навуковага Таварыства. Вільня, 1938.

«Тогда и дальнейшая история Беларуси становилась понятной. И почему в Литовском княжестве государственный язык – старобелорусский, и почему наша культура в том государстве доминировала, и почему в стране с чужим, казалось бы, названием вся жизнь проходила в белорусских национальных формах. И почему наши предки переживали Золотой Век, и почему у нас была эпоха Ф. Скорины, В. Тятинского, С. Будного, эпоха Литовского Статута. Таким образом, благодаря своей концепции Ермалович обоснованно опроверг тезисы о литовском завоевании белорусских земель, господстве литовских феодалов над Беларусью, определил Новогородок как центр белорусского государства Великого Княжества Литовского. Одним словом, эта книга ставила все на свои места»<sup>6</sup>.

Отсюда становится понятным и активное неприятие более взвешенных исторических концепций. Они оцениваются не с точки зрения логики, а чисто эмоционально:

«И поэтому теперь очень странно выглядит то, что находятся историки, особенно из молодых, которые отказывают Ермаловичу в его правоте. Стремясь создать какую-то эклектическую историю Беларуси, при этом выбирая себе в помощники литовских и польских историков, ссылаясь на их труды, широко цитируя их в своих книгах. И это тех, кто отводил нам место для хлевов и конюшень, кто всеми средствами старался сфальсифицировать нашу историю, придать ей несвойственные отрицательные черты, превратить во второстепенный инструмент для своих шовинистических концепций. И эти историки, тем самым, отказывают нам в праве иметь свою настоящую, неповторимую, национальную историю. Ну что ж, пусть это будет на их совести»<sup>7</sup>.

Отношение к Ермаловичу в кругу единомышленников характеризуют выдержки из аннотации на книгу воспоминаний о нем, опубликованной в Интернете после выхода этой книги в 2007 г.:

«Трудно переоценить значение этой личности для белорусской культуры. Даже на уровне внешнего, “персонажного” восприятия: полуслепой историк, не признанный официальной наукой, открывающий для зрячих, но не обладающих духовным зрением земляков целую неизведенную страну – Беларусь, какой она была в прежних эпохах. Какой ее не хотели видеть официальные историки. С золотым веком, со своей государственностью, своими политиками, стратегами, философами... Это было самое настоящее диссидентство, инакомыслие, самый настоящий патриотизм»<sup>8</sup>.

Эти цитаты помогают понять, что могло стоять за решением части респондентов указать Витовта и Сапегу в качестве своих идеалов политика. Но в годы советской власти число таких людей было столь мало, что вряд ли хоть один из них попал бы в число социологической выборки, если бы такой опрос проводился до 1989 г.

<sup>6</sup> Казлоўскі М. Летапісец нашай славы // Яго чакала Беларусь чатыры стагоддзі. Зборнік да-кументаў і матэрыялаў да 85-годдзя з дня нараджэння Міколы Ермаловіча. Мінск, 2007, с. 86–95. Цит. по электронной версии: <http://www.spadchyna.org/books/book2.html>.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Рублевская Л. Прагматичный век под вуалью. Книжный навигатор // <http://sb.by/post/59047/>.

Публикация книги Ермаловича в разгар горбачевской «перестройки» стимулировала всплеск интереса к истории ВКЛ среди некоторой части старшего поколения. Та небольшая часть ее, которая восприняла взгляды Ермаловича на ВКЛ как белорусское государство, отличалась в те годы наибольшей активностью. Они горячо взялись за конструирование, по их же собственным признаниям, «национального мифа», ключевое место в котором отводилось периоду ВКЛ как одному из наиболее важных этапов белорусской государственности. Их пропаганда в средствах массовой информации делала феномен ВКЛ если не близким, то хотя бы знакомым для остальной части населения, в том числе и для поколения «детей перестройки».

Писательница Ольга Ипатова в 1991 г. субъективно воспринимала концепцию Ермаловича как безусловно торжествующую:

«Что такое Беларусь в отношении к Великому княжеству Литовскому? Какое значение в истории имеют Миндовг, Войшелк, которые до сей поры признавались принадлежащими только одному народу? Белорусская молодежь – особенно молодежь – ждала ответа на эти вопросы, но получила его не от официальной науки, поиски которой шли в ином, не национальном направлении. И именно поэтому она оказалась такой благодарной [концепции Ермаловича – В. Н.]»<sup>9</sup>.

Но степень этого интереса не стоит переоценивать. Первое издание книги «По следам одного мифа» тиражом в 6 тыс. экземпляров (1989) было раскуплено очень быстро. Но повторное издание, выпущенное в 1991 г. тиражом в 11 тыс. экземпляров, расходилось уже далеко не так стремительно, его можно было найти на полках книжных магазинов и через 2–3 года. Учитывая поистине культовый характер этой книги среди сторонников Ермаловича, при небольших ее размерах и сравнительной дешевизне, трудно представить себе, что кто-то из них не воспользовался возможностью приобрести ее. Следовательно, суммарный тираж двух изданий очерчивает верхний предел численности этих сторонников в годы, предшествовавшие появлению независимой Республики Беларусь. Реальное число их, скорее всего, было еще ниже, поскольку книгу приобретали и те, кто не был согласен с ее содержанием.

Какой след оставила эта компания? Показателен опрос нескольких видных представителей белорусской интеллигенции на тему «С чего, по Вашему мнению, началась (начинается) национальная история Беларуси?», опубликованный журналом «Arche» в февральском номере за 2003 г.<sup>10</sup> Ответы на этот вопрос оказались очень разными даже среди тех, кто лично участвовал в формировании «национального мифа». В частности, бывший спикер пар-

<sup>9</sup> Ипатава В. Падзвіжнікі не перавяліся // Полацак, 1991, № 4.

<sup>10</sup> <http://arche.bymedia.net/2003-2/apyt203.html>.

ламента Станислав Шушкевич в своем ответе подчеркнул, что национальная история начинается с национального государства, но ВКЛ в этой связи не упомянул вовсе, хотя в публичных выступлениях высказывался более определенно.<sup>11</sup> Ответ журналиста Юрия Дракохруста свидетельствует о глубоком разочаровании в эффективности националистической риторики:

*«...Выборы 1994 года и все время правления Лукашенко открыли белорусской интеллигенции такую правду про белорусскую нацию, какую, может, не стоило и знать. Выяснилось, что нация и интеллигенция – это существа разной породы и природы. Хотели нацию – получили во всей красоте и жути (не хотели – тоже получили)».*

Наиболее близким к концепции «национального мифа» оказался, неожиданно для автора этих строк, ответ политолога Александра Федуты, всегда дистанцировавшегося от радикально-националистического крыла белорусской оппозиции (в свое время он даже входил в предвыборный штаб А. Лукашенко):

*«История Беларуси началась в тот момент, когда Витовт осознал, что интересы Великого Княжества Литовского отличаются от интересов коронной Польши, во главе которой стоял Ягайла».*

Этот ответ свидетельствует, что для идентичности А. Федуты период ВКЛ приобрел ключевое значение. Несомненно, он мог бы оказаться в рядах тех немногих представителей старшой возрастной группы, кто указал Витовта в качестве идеального политика.

Не будем забывать, что в дискуссиях первых лет независимости были представлены и более умеренные концепции, рассчитанные на людей с критическим, позитивистским складом мышления. В частности, автор этих строк в 1993 г. сформулировал свое отношение к наследию ВКЛ следующим образом:

*«Его нельзя считать ни литовским, ни белорусским, ни украинским, но без этого государства невозможно было бы появление каждого из этих народов в их сегодняшнем виде. Все они имеют свои права на его историческое наследие, как каждый из детей имеет право на наследство своих родителей»<sup>12</sup>.*

Позднее другой белорусский историк Геннадий Саганович в послесловии к изданному в 2001 г. очерку истории Беларуси еще раз подчеркнул, что на-

<sup>11</sup> Например, в Париже на конференции «Украина и Беларусь – что за соседи для Евросоюза?» С. Шушкевич заявил: «Европейское белорусское государство Великое Княжество Литовское жило по своим законам. Эти писанные законы решительно отличались от законов России. Великое Княжество Литовское, подчеркиваю еще раз, было белорусским государством, так как его основной закон достаточно долгое время был белорусским и никогда не был литовским». См.: [http://www.experts.in.ua/baza/analytic/index.php?ELEMENT\\_ID=24197](http://www.experts.in.ua/baza/analytic/index.php?ELEMENT_ID=24197).

<sup>12</sup> Насевіч В. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993, с. 347.

следие ВКЛ «принадлежит тем современным народам, предки которых со-здавали и защищали общее государство». Правда, он тут же вынужден отме-тить, что «самым невостребованным оно остается в Беларуси, где укоренен-ные с советских времен трактовки и образы давнего прошлого все еще ждут пересмотра и переоценки»<sup>13</sup>.

Суммарный итог трансформации сознания старшой и средней возраст-ных групп отражен первым из трех вышеупомянутых соцопросов. Число вы-сказавшихся в пользу Витовта в 1996 г. оказалось уже вполне ощутимым, хотя и не превысило уровня статистической погрешности. Верхний предел чис-ленности белорусов, преодолевших негативное отношение к периоду ВКЛ, можно очень грубо оценить цифрой порядка 100–200 тыс. Трудно сказать, ка-кой вклад в эту цифру внесли представители старшой возрастной группы, а какий – «дети перестройки». Но если даже предположить, что на последних приходится основная часть, она не так уж велика в сравнении с их общей чис-ленностью. Доля воспринявших национально-романтическую концепцию оказалась гораздо ниже, чем рассчитывали ее создатели, и этим вполне объ-ясним пессимизм Ю. Дракохруста.

Низкую восприимчивость «детей перестройки» к «национальному мифу» объясняют, возможно, две особенности советской школьной программы. С одной стороны, она навязывала определенные стереотипы, которые затруд-няли принятие непривычных идей. С другой стороны, эта программа по-следовательно воспитывала мышление в духе критического рационализма, запрещая слепо принимать на веру недоказанные утверждения. Раздававша-ся вокруг критика советских идеологических штампов лишь усиливала эту настороженность. Поэтому многие национально-романтические построения вызывали откровенный скептицизм. Могу сослаться на пример собственного сына, родившегося в 1980 г. В возрасте 11 или 12 лет он изобразил на клочке бумаги пародию на первую банкноту независимой Беларуси (напомню, что из-за изображения соответствующей зверюшки даже взрослые сразу же ок-рестили эту банкноту «зайчиком»). Среди прочего он изобразил и герб «По-гоня», на котором всадник валялся с седла со стрелой, торчащей в груди.

Дальнейший рост рейтинга Витовта следует, видимо, связывать с поколе-нием, которое училось уже по новому учебнику истории для 5–6 классов. В отличие от популярных книг и статей на историческую тематику, он подле-жал обязательному изучению, поэтому его роль трудно переоценить. Чему же учил этот учебник? Параграф «Образование белорусско-литовского госу-

<sup>13</sup> Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001, с. 347.

дарства – основы Великого княжества Литовского», написанный Г. В. Штыховым, представлял собой смягченную версию концепции Ермоловича. Отмечалось, что мнения исследователей о локализации Литвы XI–XII вв. расходятся, но по одной из версий она могла находиться на территории Республики Беларусь. Гипотеза о Новогородке как первой столице ВКЛ преподносился безо всяких оговорок:

*«Миндовг стал великим князем государства, которое начиналось с Новогродской земли. Первой ее столицей был Новогородок с восточнославянским населением и культурой. Поскольку город находился на пограничье с литовскими землями, за новым, по сути белорусско-литовским государством, закрепилось название Литва»<sup>14</sup>.*

Дальнейшая история ВКЛ излагалась довольно взвешенно, без романтической риторики и откровенных мифов. Важным было уже то, что основные факты этой истории просто излагались, потому что в советских учебниках не было даже этого. По тексту не раз отмечался двухэтничный характер государства:

*«Гедимин начал называть себя «королем Литвы и Руси», „королем литовцев и многих русских”. Название „русские” тут распространено на белорусов. <...> Примерно три четверти населения страны [при Гедимине – В. Н.] составляли белорусы».*

Еще важнее, что признавалось присутствие белорусов и среди правящего класса. Сама формулировка «литовские и белорусские феодалы» при внешней преемственности с традиционным классовым подходом была совершенно немыслима в советское время. В параграфе «Формирование белорусской народности (народа)», написанном В. К. Пляшевичем, окончательное формирование трех восточнославянских народностей, включая и белорусскую, однозначно связывалось с периодом ВКЛ, в то время как «создание нового государства происходило при самом активном участии белорусов и литовцев»<sup>15</sup>. Несмотря на внутреннюю противоречивость этой концепции (белорусы участвовали в создании государства, которое создало их самих), она неминуемо приводила к осознанию исключительной важности периода ВКЛ.

Существует мнение, что смена акцентов в преподавании истории ВКЛ, осуществленная в первые годы независимой Беларуси, не дала желаемого эффекта. Так утверждал, в частности, преподаватель Гродненского университета С. М. Салей в исследовательской работе, выполненной в рамках программы HESP Regional Seminar for Excellence in Teaching. По его мнению, «в первой

<sup>14</sup> Штыхай Г. В., Пляшэвіч У. К. Гісторыя Беларусі. Старажытныя часы і сярэднявячча. Вучэбны дапаможнік для вучняў 5–6 класаў. Мінск, 1993, с. 172–173.

<sup>15</sup> Там же, с. 232–233.

половине 1990-х гг. учителя школ не были готовы к преподаванию периода ВКЛ в рамках курса истории Беларуси, так как просто не были компетентны в содержании. А школьные учебники не справились с возложенной на них задачей, так как их авторы, историки из академической среды, не смогли просто и доступно изложить материал<sup>16</sup>. Возможно, эта оценка справедлива с точки зрения подготовки будущих историков. Но для формирования общей мировоззренческой установки «среднего» гражданина Беларуси сведения, почерпнутые из школьного курса, имели решающее значение уже потому, что позволяли ощутить ВКЛ явлением **своей** истории.

К этому нужно добавить, что сознание нового поколения было свободно от штампов советского времени и могло без предубеждения воспринимать информацию о ВКЛ из книг, статей и непосредственно исторических источников. Не последнюю роль сыграл доступ к Интернету, ставший по-настоящему массовым именно в пору взросления этого поколения. По данным соцопросов НИСЭПИ, число пользователей Интернета в Республике Беларусь с 2001 по 2008 гг. возросло с 9,7 до 35,9 %. Но среди респондентов моложе 30 лет (что означает всю младшую и примерно половину средней возрастной группы) эта цифра к июню 2008 г. достигла 81 %<sup>17</sup>. Среди самых младших возрастов эта цифра наверняка еще выше. Для этой возрастной группы доступны не только тексты книг Ермаловича, его сторонников и оппонентов, но и электронные версии летописей и хроник, опубликованные на различных сайтах. При желании школьник или студент сегодня может за несколько часов получить доступ ко всем ключевым фактам истории ВКЛ, а также всевозможным их интерпретациям. Для него не существует таких преград, как отсутствие нужной книги в личной библиотеке и отсутствие времени на посещение библиотеки публичной – факторов, которые еще лет 10–15 назад ощутимо влияли на работу даже профессиональных историков.

Возникает вопрос, в какой степени молодое поколение разделяет национально-романтические взгляды, а в какой – более умеренные. Для ответа на него рассмотрим спектр мнений, высказываемых на различных Интернет-форумах, учитывая, что именно представители младшей возрастной группы составляют основную часть их завсегдатаев. Господствующие на этих форумах взгляды представляют собой результат коллективного осмысления и трансформации ранее высказывавшихся концепций, причем конечный результат существенно отличается от них. Правда, неподготовленному взгляду

<sup>16</sup> Салей С. М. Великое княжество Литовское в исторической памяти современных белорусов // <http://old.eu.spb.ru/reset/>.

<sup>17</sup> <http://www.iiseps.org/6-08-04.html>.

этую разницу заметить трудно, поскольку стиль и терминология во многом заимствованы из национально-романтической концепции. Поскольку многие участники подчеркивают свою преемственность с историческими литвинами эпохи ВКЛ, эту стихийно сложившуюся концепцию можно называть современным «литвинизмом». Следует лишь оговориться, что она далеко не во всем совпадает с концепцией, активно критикуемой литовским историком Томасом Баранаускасом на созданном им «Форуме истории Литвы»<sup>18</sup>. Многие из нынешних «литвинов» не настаивают на завоевании территории Литвы «белорусскими дружинами» или на изначально славянском ее характере (хотя немало и тех, кто продолжает в это верить). Акцент сместился на то, что правящая элита ВКЛ, независимо от своего происхождения, равно противостояла как этнически литовскому (аукштайтскому и жемайтийскому), так и «русскому» непривилегированному классу (предкам белорусов-православных). Преемственность именно с этой элитой выходит на первый план. При этом приверженцы новой концепции охотно повторяют оценки, впервые сформулированные ее критиками – создается даже впечатление, что эта критика помогает им четче осознать собственную позицию.

Один из первых критиков, выступивший в 2000 г. на страницах журнала «Arche» под именем Антоний Запалота, писал:

«„Литвинизм“ является, конечно, полностью логичным продолжением „белорусского возрождения“ 1980-90-х – естественной романтической реакцией на определенное поражение „белорусской идеи“. <...> „Литвинизм“ в идеале должен привить иную культурную традицию, носителем которой в недавней истории была образованная (в большинстве польскоязычная) элита страны. Если потомки „тутэйшага“, „простого народа“ приняли бы, в том числе, и „панскую“ традицию, как будто бы свою, то с этим приобрели бы и определенное историческое достоинство, смысл исторического существования и права в собственных глазах»<sup>19</sup>.

Сами участники этого движения полностью согласны с такой оценкой:

«Нужно отметить определенную исчерпанность „белорусской тематики“. <...> На этом фоне поворот к литвинской теме или теме присутствия ВКЛ в сегодняшнем белорусском сознании является своего рода выходом из тупика. <...> Для нас литвинство – это ощущение и осознание преемственности с политическими кругами ВКЛ (шляхтой, духовенством, мещанством) в сегодняшнем времени. <...> Принять всю нашу элиту, с ее католичеством, латинством, культурной польскостью»<sup>20</sup>.

Эмоциональную почву для «литвинизма» составляет то же чувство, что вдохновляло и сторонников Ермоловича – потребность в истории, которой

<sup>18</sup> <http://www.istorija.net>.

<sup>19</sup> Zapalota A. „Litvanių“ ci Europa? // Arche, 2000, № 8 // <http://arche.bymedia.net/8-2000/zapal800.html>.

<sup>20</sup> Страньцю-Карвацки А. Я. За Литву! // Litwa, 2008, № 24 // <http://www.manarchija.org/litwa24-3>.

много было бы гордиться. Бурный всплеск эмоций вызвала публикация в 2003 г. на сайте, автор которого выступил под псевдонимом «Игорь Литвин», книги «Затерянный мир, или малоизвестные страницы белорусской истории». О пафосе этой книги говорят хотя бы такие выдержки:

«Где же были белорусы во времена средневековья? Современные литовцы необоснованно приписывают себе историю Великого княжества Литовского. При этом ставится знак равенства между современными литовцами и жителями ВКЛ – литвинами. <...> Следует пояснить, что Литовская республика имеет такое же отношение к Великому княжеству Литовскому, как и современная Македония к империи Александра Македонского, т. е. составляет мизерную часть площади когда-то огромного государства. <...> Предки современных литовцев – жамойты, были одним из многих народов, проживавших на территории Великого княжества Литовского. Нет никаких оснований, считать их титульной нацией ВКЛ. <...> Белая Русь – центральная, главная часть Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. Беларусь является правопреемницей исторического наследия ВКЛ»<sup>21</sup>.

Обсуждая эту книгу на специально для этого созданном форуме, многие подчеркивали, что нынешнее состояние исторической памяти белорусов их категорически не устраивает. Вот как оценивает ситуацию один из участников (стиль авторов во всех цитатах сохранен, исправлены только явные опечатки):

«Попробуйте задайте поиск *History of Belarus* в западном серч-энджин, он вам и выдаст: пришли летувисы, стали править, пришли поляки, стали ополячивать, пришли московиты, стали русифицировать, прям и не люди мы вовсе были, а пингвины в Антарктиде».

Другой участник, задиристо избравший себе псевдоним «Злодей», особенно сожалеет об утрате преемственности с элитой ВКЛ и мечтает о новой культурной элите:

«Мне кажется, белорусский случай почти безнадежный. 99 % населения напоминают мне фантастический рассказ об одичавших пассажирах космического корабля, перебивших капитана, да и самих опустившихся на животный уровень за годы полета. Так и здесь – магнатерию – Сапег-Радзивилов-Острожских-Вишневецких истребили. Потом – шляхту под ноль свели. <...> Я, родившийся в Минске, отучившись в школе с институтом, знаю только одного человека, у которого его родители родились в Минске. Остальные – из деревни. Что не так уж и плохо... но НИГДЕ И НИКОГДА [выделено автором – В. Н.] крестьяне не создавали наций. Крестьяне – глина, их дети, выросшие в городе – уже что-то. Сами же они променяли белорусский язык на смывные туалеты. А культура, ВКЛ, Сапега со Скориной – не ихнее. Чужое это все для них, панское. Одна надежда – на городское поколение. Новая европейская белорусская культура возможна только на основе города, а не на основе лаптей и дожинок».

Некоторые участники форумов настроены умеренно. Их вполне устроило бы равное с литовцами право на наследие ВКЛ, не согласны они лишь с вто-

<sup>21</sup> <http://litvin.org>. На момент написания этих строк сайт недоступен, но книга продублирована на целом ряде других сайтов. См., например: <http://asveta.belinter.net/histlitvin.html>.

ростепенной ролью собственных предков. На «Форуме истории Литвы» не раз появлялись примиренческие высказывания белорусских участников:

«Литва в смысле „Историческая Литва“, „Литва Миндовга“, „Литва в узком смысле“ наряду с землями Полоцкого, Туровопинского ... княжеств составила территорию белорусской нации. Литовская нация сложилась на территории, в которую Виленщина не входила. Да, белорусы давным-давно привыкли считать ВКЛ СВОИМ [выделено автором – В. Н.] государством – совершенно справедливо. Но заметьте – у литовцев мы ничего не отбираем. Мы считаем это государство ОБЩИМ. Добавить нужно только, что ни я, ни „белорусская общественность“ не строим будущее своей нации на фундаменте исторических мифов. Нам всего лишь нужна ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ – НАША история. Как нужна любому человеку его личная биография».

Участник, подписавшийся как «Ibicus – московит по образу мышления», написал:

«Более того, скажу (боюсь, что после этой фразы меня здесь колесуют, обольют дерьялом и напалмом), но ни современная литовская нация, ни белорусская не имеют никакого отношения к политической нации ВКЛ. Однако нация не может жить без мифов, это один из основополагающих факторов консолидации».

На популярном белорусском форуме «Стары гетман»<sup>22</sup>, задуманном в противовес «Форуму истории Литвы», участник под псевдонимом Henek в феврале 2004 г. пытался остыдить горячие головы рациональными аргументами:

«<...> Тема самого спора изначально мертворожденная. Нельзя говорить ни о какой национальной составляющей средневекового государства по той простой причине, что нации – более поздние образования. <...> Поэтому призываю всех, в особенности беларусов, не заниматься ерундой. Никакой Томас Баранаускас не сможет отобрать у нас права на наследие ВКЛ, это все равно, что пытаться отобрать, например, у государства СНГ права на наследие СССР, и пытаться убедить нас, что, например, литовцы не являлись одним из народов СССР, не были инкорпорированы в гражданские, политические, культурные и хозяйствственные процессы в СССР».

О том, что для многих сторонников литвинизма рациональные аргументы очень важны, свидетельствует обмен репликами по поводу энциклопедической статьи «Литвины», написанной автором этих строк, который состоялся на том же форуме в 2006 г. Один из участников, под ником Maxim\_Litvin, отозвался о ней так: «... Лучше, чем раньше писали, но можно и еще лучше». Тут же последовала ехидная реплика: «А еще лучше это как? Литвины – это белорусы, а литовцы – это жмуды!» Ответ очень показателен: «Ну так было бы еще лучше лучшего, но только если бы это было правдой»<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> <http://probelerus.crearhost.ru/forum/>.

<sup>23</sup> <http://probelerus.crearhost.ru/forum/viewtopic.php?t=501>.

Вместе с тем сохраняются и взгляды, свойственные радикальному варианту национально-романтической концепции. Их активным проповедником выступает участник нескольких исторических форумов, который в нике Томасу Баранаускасу подписывается «Том Барановский». Иногда он пародирует позицию, отстаиваемую самим Баранаускасом, иногда говорит от своего лица, в ответ вышеупомянутому Henek'у заявляя на форуме «Стары гетман»:

*«Перестать беларусам воспринимать ВКЛ государством с однозначно преобладающей беларуской доминантой (считай – выводить историю от 1918 года, от бээсэсэри) – подойти к черте национального забвения, что с таким упорством домагается нынешняя власть, да оказаться перед дверью инкорпорации в империю (точнее, в то, что от нее осталось)».*

Эту мысль разделяет и один из участников «Форума истории Литвы»:

*«А что до „принадлежности“ истории ВКЛ, то белорусская нация и ВКЛ неразделимы в принципе [выделено автором – В. Н.]. Нет белорусской нации без ВКЛ. Попросту не существует. И нет у нас другой истории».*

Реплика одного из участников белорусской языковой версии «Википедии», использующего характерный ник «Ліцьвін», лишний раз свидетельствует о популярности таких взглядов:

*«Литва – ВКЛ, грубо говоря современная Беларусь, ну что ты сделаешь, так история сложилась. А считать Литвой – Аукштоту и Жамойтю – ну никак не получается! Это каждый знает, школьный курс общеобразовательной школы [выделено мной – В. Н.]»<sup>24</sup>.*

На форуме И. Литвина один из участников в 2005 г. выставил небольшой трактат «История Беларуси за 5 минут»<sup>25</sup>, в котором анонимный автор попытался систематизировать приемлемые для себя представления об истории Беларуси. Текст начинается с констатации:

*«Периодически сталкиваюсь с совершенно противоположными взглядами на белорусскую государственность. Начиная от мнения „белорусов и не было никогда как нации, и страны такой – Беларусь – до недавнего времени не было“ и заканчивая потугами отдельных активистов превратить Беларусь в древнейшую „родину слонов“».*

По сути, здесь удивительно точно, хотя и в примитивном изложении, схвачены два наиболее распространенных подхода к толкованию феномена нации. Первый соответствует постмодернистскому взгляду на современные нации как «воображеные сообщества» (по определению Б. Андерсона), искусственно сконструированные культурными и политическими элитами в последние 2–3 столетия, второй – примордиалистской трактовке, когда под

<sup>24</sup> <http://be-x-old.wikipedia.org/wiki/> (См. обсуждение проектов статей «Аўкштота» и «Жамойць»).

<sup>25</sup> <http://litvin.org/forum/index.php?method=showhtml&list=message&collid=9%2C45&cl=earoff=1&c>.

словом «нации» понимаются лишь новые имена для древних и почти не изменяемых во времени общностей, связанных единством происхождения. Обе эти трактовки автора не устраивают, и он предлагает некий промежуточный вариант. Применительно к периоду ВКЛ он оказывается почти идентичным концепции Ермаловича:

«„Современная Литва не является продолжением древней Литвы“, предки современных литовцев „оставили свой след в истории под именем жмудинов или жамойтов. И родина их называлась Жмудь“».

Образование ВКЛ началось «на территориях Западной Беларуси, известной в то время как Литва». Но вносится новый принципиальный момент:

«Крайне неправы те, кто пытается показать, что Белая Русь и древняя Литва, дескать, одно и то же. <...> Внутри государства существовало четкое различие – восточные земли – это Русь, причем Русь Белая, а западные – Литва».

При такой позиции у современных белорусов оказывается два разных предка, литвины и русины, что позволяет принять исторические факты о противоборствах между ними в качестве «внутренних разборок» и освоить действия тех и других в качестве своего законного наследия. Конструктивный заряд такого подхода очень велик, и если перед нами действительно продукт стихийного «творчества масс» (в пользу чего говорит несколько хаотичный подбор фактов), то это свидетельствует об огромном потенциале этих самых «масс». Политикам и идеологам, озабоченным необходимостью консолидации нации, тут есть чему поучиться.

Идеи литвинизма оказали воздействие и на противоположный идеологический лагерь, развивающий в современных условиях постулаты «западнорусизма». Показательна в этом плане книга докторов философских наук С. В. Лебедева и Г. В. Стельмашука «Белорусский феномен», выставленная в начале 2007 г. на сайте движения «Лукашенко 2008» (целью которого, судя по заявлениям создателей сайта, является политическое объединение Беларуси и России с президентом Лукашенко во главе). Книга адресована в первую очередь российской аудитории, и тем удивительнее встретить в ней почти дословные совпадения с некоторыми положениями книги И. Литвина «Затерянный мир»:

«... Литовцы, страдающие всеми комплексами маленьких наций, вдохновляют себя воспоминаниями о своем великом прошлом, скромно умалчивая о том, что к Великому княжеству Литовскому их предки имеют такое же отношения, как корсиканцы к наполеоновской Франции».

Впрочем, позиция Лебедева и Стельмашука в отношении элиты ВКЛ вполне традиционна для старшего поколения:

«...Итак, Литовская Белая Русь, которая не была завоевана ни татарами, ни поляками, из-за национальной измены своей правящей элиты, усвоившей западные ценности в виде католицизма, польского языка и шляхетской вольности, превратилась в нищую закабаленную польскую провинцию»<sup>26</sup>.

Уже упоминавшийся А. Запалота относился к перспективам литвинизма скептически:

«„Литвинизм“ занял позицию явно на маргинезе в белорусском национальном движении, а поэтому не должен претендовать на что-то, кроме роли романтического течения молодых белорусских возрожденцев»<sup>27</sup>.

С ним солидарен историк Игорь Марзалиук, который отрицает идею двух предков белорусского этноса:

«Реальный континуитет существует между русской общностью белорусских земель ВКЛ и нами, современными белорусами. Поиски белорусов-литвинов – напрасное занятие»<sup>28</sup>.

Но в массовом сознании молодого поколения, судя по дискуссиям в Интернете, концепция литвинизма утвердилаась стольочно, что можно говорить не о «маргинезе», а скорее о «мейнстриме».

Показательный обмен мнениями состоялся в июле 2007 г. на оппозиционном сайте «Хартия-97»<sup>29</sup>. Поводом для него послужило информационное сообщение о том, что Литва в очередной раз отпраздновала День государства, приуроченный к годовщине коронации Миндовга. Один из посетителей сайта, подпишавшийся «Беларус», оставил снисходительный комментарий:

«Видать литовцы плохо свою историю знают. Миндовг действительно был первым королем Литвы, но... Литвы летописной, той, что была расположена между Минском, Пинском и Новогрудком. А это центральная часть Беларуси! И жили там балты, (Это вообще-то до сих пор спорный вопрос), но – другие! И те балты наши с вами предки. А вот к литовцам современным они не имеют НИ КАКОГО [выделено автором – В. Н.] отношения. Так что Миндовг, Гидемин, Альгерд и другие – это наши с вами белорусские князья».

Другой участник, подпишавшийся «тоже беларус», отреагировал на эту реплику «детским» вопросом:

«А почему же наши великие предки Миндовг, Гидемин, Альгерд прозвали свое государство именно литовским. Язык был белорусский, земля белорусская, а княжество литовское – нелогично. Вопрос без подвоха. Просто интересно».

<sup>26</sup> Лебедев С. В., Стельмашиук Г. В. Белорусский феномен // <http://www.lukashenko2008.ru/articles/biblioteka/78/>.

<sup>27</sup> Zapalota A. „Litvanija“ ci Europa? // Arche, 2000, № 8 // <http://arche.bymedia.net/8-2000/zapal800.html>.

<sup>28</sup> Marzaliuk I. Сімптомы «пажаданай гісторыі» // Arche, 2008, № 3 // <http://arche.bymedia.net/2008-03/marzaliuk803.htm>.

<sup>29</sup> <http://www.charter97.org/ru/news/2008/7/6/7950/comments/>.

Этот вопрос вызвал целый шквал разъяснений, суть которых единодушно сводилась к тому, что во времена ВКЛ термин «литвины» фактически играл роль этнонима белорусов: «До середины 18 столетия территория современной Беларуси именовалась «Литва», а белорусы именовались «литвины». Предков же современных литовцев называли «жмудь».. «Назвали нас белорусами гораздо позже, чем возникло Великое Княжество, но это не значит, что его (ВКЛ) не строили наши кровные предки» и т. п.

Эта активность участников форума стала неожиданностью для них самих. Некто «Владэк» с удовлетворением констатировал:

*«А сколько комментариев! Отлично! Просыпается достоинство литвина, просыпается жажда собственной истории. Представить такое 30 лет тому – просто невозможно. 20 лет тому – осознание себя народом Независимой Беларуси, сегодня – уже этого недостаточно: люди хотят знать: «почему мы белорусы, а наследие наше литовское?». Придет время – вернем себе древнее исконное название – Литва и нашу столицу Вильню. Колесо истории стучит».*

Концовка комментария звучит довольно экстремистски, и в этом автор комментария не одинок. Весьма показателен также ответ самого «Беларуса», инициировавшего данную дискуссию: «Мы не литовцы и не белорусы [выделено мной – В. Н.], мы – литвины».

Как видим, для некоторых приверженцев идеи литвинизма она стала альтернативой белорусской идентичности. С точки зрения национальной консолидации это звучит тревожно, тем более что еще один участник, подписавшийся «Бульбашь», развил это противопоставление:

*«Нынешние белорусы ничего общего не имеют с ВКЛ, кроме территории. <...> Белорусы четко проголосовали в 1995 против Пагони, т. е. своей принадлежности ВКЛ».*

В этой связи сохраняют актуальность опасения, которые высказывал в 2000 г. А. Запалота, отмечая, что литвинизм способен возродить конфронтацию между католической и православной конфессиями среди белорусов:

*«На пользу ли теперь было бы откапывать те исторические корни, под которыми погребено ржавое оружие братоубийственных смут?».*

Определенные основания для тревоги есть. Один из горячих сторонников литвинизма, историк Александр Белый, по его собственному признанию, начал сознательной провокации, выступая под псевдонимом Mann Kurt. На страницах газеты «Литва» в 2003 г. он заявлял:

*«Разве Афанасий Филиппович и Андрей Боболя – мученики одной нации? Такое представление может существовать только в постмодернистской голове, промытой крептиническими СМИ. <...> Невозможно заставить нас жить вместе. Это насилие против обоих»<sup>30</sup>.*

<sup>30</sup> «Литва» № 22 за 2003 г. Цит. по: *Бацюкоў А.* Найноўшае ліцьвінства як практ карэкцыі сучаснасці // Arche, 2007, № 12 // <http://arche.bymedia.net/2007-12/baciukou712.htm>.

Горячие заявления, высказываемые на форумах, разительно контрастируют с той ролью, которую отводили ВКЛ разработчики новой официальной идеологии белорусского государства. Выступая в марте 2003 г. на семинаре по вопросам совершенствования идеологической работы, президент А. Лукашенко в своем докладе отметил:

*«Белорусы не унаследовали от предков целостной идеологии независимой государственности. Мы по праву гордимся тем, что наш белорусский язык в Великом княжестве Литовском определенное время был официальным языком. Но никому, даже самому ярому националисту, не придет в голову утверждать, что Великое княжество Литовское было самостоятельным белорусским государством со своей белорусской государственной идеологией»<sup>31</sup>.*

Трудно поверить, что люди, готовившие для президента этот доклад, не знали, что «ярые националисты» утверждали и продолжают утверждать именно это. Достаточно вспомнить, что их признанный лидер Зенон Пазняк в октябре 2005 г. предложил переименовать Республику Беларусь в Великое Княжество Литовское Беларусь (сокращенно – Беларусь), что, по его мнению, поможет утвердить концепт национального государства, ведущего свои истории от ВКЛ, в массовом сознании белорусов:

*«Задача белорусской интеллигенции, образования, просвещения и национальной литературы – вернуть историческое сознание народа в родной дом – в Великое Княжество Литовское. Следующий обязательный этап – политический: вернуть официальное название государства. Если этого не сделать – значит строить независимость на песке, запрограммировать ущербное, надтреснутое общество с хилой самоидентификацией, полное противоречий на ровном месте и абсурдных споров по недискуссионным вопросам»<sup>32</sup>.*

То, что вопрос о наследии ВКЛ имеет политическую окраску и используется в борьбе за избирателей, не вызывает сомнения. Приведенный выше анализ численности групп, способных принять каждую из альтернативных точек зрения, показывает, что президент находится в заведомо предпочтительной позиции. Более того, именно этим социально-демографическим раскладом во многом объясняются результаты политической борьбы с момента образования независимой Беларуси. Поэтому для А. Лукашенко и его сторонников перевод вопроса о ВКЛ в политическую плоскость был однозначно выигрышным ходом, чего нельзя сказать об их противниках. Ведь доверие к политику складывается из доверия к его высказываниям, и если хотя бы одно из них

<sup>31</sup> Лукашенко А. Г. Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент. Доклад Президента А. Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы // Советская Белоруссия, 2003, 28 марта.

<sup>32</sup> Пазняк З. ВКЛ (урывак з артыкула «Прамаскоўскі рэжым») // <http://www.pazniak.org/mdl.php?mdl=art&ccat=9&art=60>.

вызывает у аудитории явный протест или недоумение, это сказывается на его цельном образе.

Но, как уже отмечалось, «колесо истории стучит». Старшее поколение по-немногу сходит со сцены, а новое, горячо заинтересованное в историческом обосновании своей идентичности – на эту сцену выходит. Для власти было бы большой ошибкой игнорировать категорическое несогласие значительной части молодежи вести отсчет «от бээсэсэри», которая для них, в отличие от старшего поколения, не наполнена живыми воспоминаниями. Попытка «переломать» их, подвергнув тотальной идеологической обработке в духе ВЛК-СМ, вряд ли окажется успешной в современном мире, пронизанном неконтролируемыми потоками информации. Альтернативные мнения постоянно будут стучаться в их сознание, а их высокая конкурентоспособность именно для этого поколения несомненна.

Поэтому следует ожидать, что острота политического противостояния вокруг ВКЛ в Республике Беларусь скоро сменится попыткой власти «перенести игру на половину соперника», признав значение этого государства и его наследия. Что касается исторической памяти белорусов, то ей это пойдет только на пользу.